

Исаак Бронфман
Живой родник.
Стихи

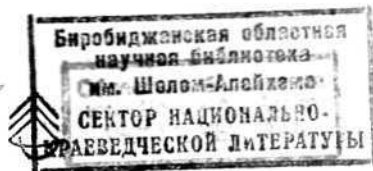
ИСААК БРОНФМАН

✓ 84Е6-5
✓ 5885

ЖИВОЙ РОДНИК

Стихи

10546

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

ББК 84.3
С (Евр.)
Б 88

Художник Н. И. Холодок

Слово к читателю

В этой небольшой книжке стихотворений собрано все лучшее из переведенного на русский язык, что оставил в наследие живущим самобытный советский еврейский поэт-дальневосточник.

Он умер 1 сентября 1978 года в Хабаровске, а похоронен на тихом кладбище в Биробиджане — в городе, которому он отдал много лет своей жизни, который строил, любил, воспевал...

Исаак Бронфман — человек нелегкой судьбы, впрочем, типичной для советских людей его поколения, комсомольцев 30-х годов. Он — плоть от плоти этого поколения, закалившегося в горниле первых пятилеток и достойно вынесшего основную тяжесть в жестокой борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Скупые строки автобиографии поэта: «Я родился в 1913 году в местечке Хашевато УССР Кировоградской области в семье рабочего, слесаря-котельщика. С семи лет я осиротел: отец умер, мать убили петлюровцы...» Нетрудно представить, как сложилась бы судьба еврейского мальчика-сироты до Революции. Но Советская власть не дала ему пропасть: будущее явилось к нему в образе «парня в шлеме со звездой», который «весь буржуйский род кляня, — как после написал об этом сам поэт, — завернул в шинель солдата несмышленища, меня...» Образ парня в буденовке со звездой так и остался в благодарной памяти Исаака Бронфмана живым воплощением высшей человеческой справедливости, осветив весь его жизненный путь — жизнь рабочего, солдата, журналиста, поэта-коммуниста.

С дипломом выездного сельского механика после окончания индустриального техникума приехал он в 1931 году вместе с другими энтузиастами-переселенцами на Дальний Восток — в край новостроек, первооткрывателей. И остался до конца своих дней на дальневосточной земле, прикипев к ней горячим сердцем: короче

Б 70302—9 32—81 4702200000
М160(03)—81

© Хабаровское книжное издательство, 1981

вал тайгу, пахал, слесарничал в депо, работал в газете...

И была война — Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков. Танкист-механик Исаак Бронфман в рядах армии-освободительницы громил гитлеровцев, очищая родную землю, освобождая порабощенные народы Румынии, Венгрии, Чехословакии. В 1946 году вернулся солдат Исаак Бронфман в свой родной город и всю свою оставшуюся жизнь связал с газетой: более четверти века проработал он в газете «Биробиджанер штерн».

Но что бы ни делал он; пахал ли землю, воевал ли, метался ли по области с журналистским блокнотом — он всегда оставался поэтом — с того первого стихотворения, опубликованного в 1929 году, потому что душе его для самовыражения ближе всего был язык поэзии.

Написал Исаак Бронфман на этом «языке души» немало: думается, что он, человек рабочей заправки, считал поэзию для себя некой сверхзадачей, возложенной на него лично, временем, помимо всех других обычных будничных дел. А будничные дела были таковы, что оставляли ему для исполнения этой «сверхзадачи» короткие часы ночного отдыха: ведь он заведовал промышленным отделом газеты, выходившей, к тому же, на еврейском языке, а значит — был еще и переводчиком. При жизни вышло три поэтических сборника Исаака Бронфмана: «По светлым дорогам» (на еврейском языке), «Подснежник» и «Доброе слово». Его стихи печатались и в антологии современной еврейской поэзии — «Горизонты».

Стихи Исаака Бронфмана лишены внешней броскости, они не ослепляют вспышками неожиданных ярких метафор, сравнений. Они скромны и неторопливы, как раздумья пахаря или рабочего в минуты недолгого отдыха. И в обращении к своему переводчику сам поэт обеспокоен тем, чтобы не приукрашали его стихи ради внешнего блеска словами, не свойственными языку рабочего человека.

Ты не шей мне новых одеяний,
И тебе и мне они не в честь.
Ты не делай мне благодеяний,
Ты оставь меня таким, как есть.
Невысок и рус, закалки прочной,
С грудью, что кузнечные меха,

Я сегодня с улицы рабочей
Завернул в горячий цех стиха.

(Перевод А. Рыбочкина)

На разные темы писал поэт Исаак Бронфман, но главные свои стихи он вынес из войны: как любого из фронтовиков, она не оставляла его до последнего дня:

Над туманами ранними —
Новых песен волна.
Незажившею раню
В моем сердце — война.

(Перевод В. Соломатова)

Он писал о войне скупыми, но точными словами, забываясь о жизненной достоверности рассказанного. «Книга будет такой. Основная линия: жизнь одного из нас. Минимум вымысла». — Так написал во фронтовом блокноте в апреле 1942 года другой поэт-фронтовик Семен Гудзенко, мечтая о будущей книге. «Минимум вымысла» — это, пожалуй, определяющая черта поэзии военного поколения, а значит — и стихов Исаака Бронфмана. Разные это стихи: горестные и веселые, искрящиеся тонким, очень национальным юмором. Но особо хотелось бы отметить одну из самых примечательных особенностей поэзии Бронфмана: ей в высшей степени присуще «чувство семьи единой», сама поэтическая ткань пронизана чувством кровного по Революции родства всех — больших и малых — народов Советской страны. И отсюда же — обостренное чувство интернационализма. Боль пронизывает сердце, когда читаешь строки из его стихотворения «Две белые розы»:

Их поливаю чистой водой,
Слезам — с тишиной наедине.
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.
Я двух сестер лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветчики к окну
Поставил я, как памятники им...

(Перевод А. Рыбочкина)

Но личные страдания, страдания родного народа не застят глаза поэта-коммуниста, поэта-интернационалиста. Солдат-победитель, в сердце которого запеклось

горе родной земли, вдруг скажет отцу убитого немецкого солдата-мародера:

Мы с такими не воюем,
Вот врага бы — наповал...

(Перевод мой — М. А.)

Он прошел сквозь кровавую войну. Его убивали враги, и он убивал во имя правды и свободы. Но весь этот жестокий опыт утвердил поэта в той мысли, что главное призвание человека — созидать: «Созиданье — вот в чем жизни суть». И он много писал о созидателях — своих земляках-дальневосточниках, о земле родного края, преобразованной трудами любящих ее людей.

Ушел из жизни поэт, но осталось его Слово — честное, правдивое — о трудной и счастливой жизни. И думается, что скромная и совестливая муза Исаака Бронфмана не канет во времени и долго будет служить людям, являя собою пример служения народу.

Михаил АСЛАМОВ

МОЯ АНКЕТА

Даты жизни зафиксировали чернила,
Между строчек — голод, холод и стрельба...
Не ласкало меня время, не щадило,
Грозной бурей отмечена судьба.

Славлю бурю Октября — дыханье воли!
Без нее бы я погиб наверняка,
Захирел бы, как цветок в безводном поле,
Как полынь, была бы долюшка горька.

А судьба моя с твоей, Отчизна, слита,
Нераздельна в сопричастности своей
К этой ниве, что туманами повита,
К этой сини с дальним криком журавлей.

Я с тобою рос в тревогах и лишениях,
Потому-то для меня такая честь,
Что во всех твоих победах и свершениях
Есть и мой, пусть незаметный вклад,
но есть!

ГДЕ ОН, ЭТОТ СОЛДАТ?..

Где он,
парень,
что когда-то,
весь буржуйский род кляня,
завернул в шинель солдата

несмышлениша,

меня?

Сам, видать, с пеленок понял,
как сиротский хлеб горюч, —
и понес меня он в поле,
в рожь, высокую — до туч!
А потом в палатке,

жженной

солнцем,
ветром
и огнем,
угощал солдатской пшенкой,
чтобы помнил я о нем.
Август плыл шмелиным гудом
по-над степью золотой...
Улыбался белозубо
парень
в шлеме со звездой!
Этот шлем храню доньше,
вспоминая о бойце,
словно о любимом сыне,
словно о родном отце.
Где он, где он, этот парень,
жив ли, все ль еще в строю
или пал, как сотни пали,
он за Родину свою?..

ДЕТСТВО

Уж сорок лет храню я этот снимок.
Наш детский дом, и сад, и тополя,
И тетя Катя с мальчиком в обнимку...
А тот мальчишка щуплый — это я.

Ах, тетя Катя, добрый ангел детства,
Я помню все: и взгляд, и голос твой...
Куда еще мальчишке было деться,
Как не к тебе с печалью и бедой.

Вот ты смеешься в нашем хороводе,
И рады мы — глаза твои горят,
Вот к Бугу за руку меня подводишь,
Туда, где вербы с речкой говорят.

— А почему не едут папа с мамой? —
Я спрашиваю тихо. Ты молчишь.
И только губы стиснуты упрямо,
И запеваешь вдруг,
и сразу тишь —
Расколота! И «в небе полуденном»
Заржали кони, топот слышу я...
И конников своих ведет Буденный,
И кто-то не вернется к сыновьям...

Детдомовское детство, наша тетя...
Когда бывало тяжело мне в пути,
Я вспоминал буденновцев в полете,
И становилось легче мне идти.

Я ПЕРЕНЯЛ ОТЦОВСКОЕ УМЕНИЕ

На сахарном заводе у помещика
Отец мой добывал свой горький хлеб,
И оглушило слесаря-котельщика
Тяжелым гулом подневольных лет.

Как ночь в пустыне, глож,
и стихла речь его,
И он угас, как свечка под дождем,
От пенья птиц, от слова человеческого
Гремящим звуком стали огражден...

Я перенял отцовское умение
Ковать, клепать, кудесничать в цеху,
И всемогущ мой цех, —
и в шумной смене я
Железной речи внемлю, как стиху.

Я чуток к рифме и к ракетной скорости.
Ко всей земле. За все держу ответ.
Все принимаю — радости и горести,
Как листья впитывают солнца свет.

ПТЕНЦЫ

Пальнул мальчишка из рогатки,
А я остановить не смог,
Я не успел.
Из птичьей хатки
Упал бесформенный комок.

Быть может,
Стать пора умнее
И горевать не стоит мне.
Но птицей меньше стало в небе,
Но песней меньше в вышине!

Нет, дело тут не в сантиментах.
Такая боль меня прожгла,
Как будто пуля в сантиметре
От сердца моего прошла.

Птенцы отчаянно галдели, —
Куда же подевалась мать? —
Они, наверно, есть хотели,
Смерть не желая понимать.

И я припомнил все сначала,
И я припомнил детство вдруг,
Как пуще хлеба не хватало
Мне светлых материнских рук.

Я сыт по горло горем этим.
Не потому ль теперь и сам,
Познавший жизнь, я ласков к детям,
Неоперившимся птенцам.

К ПЕРЕВОДЧИКУ

Ты не шей мне новых
одеяний.
И тебе и мне они не в честь.
Ты не делай мне
благодетелей.
Ты оставь меня таким,
как есть.
Невысок и рус,

закалки прочной,
С грудью, что кузнечные
 меха.
Я сегодня с улицы рабочей
Завернул в горячий цех стиха.
И ко мне мои приходят строки —
Шумный вихрь прожитых
 мною дней.

С гулом тракторов
на солнцепеке,
С пеньем рельсов,
звоном тополей.

Вот они — бессонными ночами
В муках мной рожденные —
бери!

Но смотри моими ты глазами,
Сердцем ты моим, прошу,
смотри.

Спой, как я! И радость,
и улыбки,
И печаль мою испей до дна.
Пусть различны будут наши скрипки,
Но звучит мелодия одна.

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Мне подушку кулак заменяет давно,
Одеяло — выдавшая виды шинель.
Только ночь фронтовая не балует сном,
А вздремнуть — всюду в поле найдется постель.

Улыбнулся во сне мой товарищ Василий,
Рядом с ним спят казах и грузин из разведки,

Плащ-палатку походную мы расстелили...
Ночь. Вокруг тишина... А теперь это редко...

Завтра грохот и визг, завтра снова нам в бой.
Воля к скорой победе в сердцах, как патроны
в обоймах.

Радость и горе пьем мы из фляги одной,
На врага по-гвардейски бросаемся в бой мы!

Низко стелется плотный туман, словно дым.
Мы прижались друг к другу теснее, как дети.
Обогрела нас дружба дыханьем своим,
Будто мать, что пришла к нам в туманном рассвете.

* * *

Лес
В душу лез.
Он пах хвоею,
Гудел, раскачивался, чах
И небо светло-голубое
Держал на сгорбленных плечах.
Снег таял... И в его останки
Апрель вколачивал траву.
Мы отдыхали возле танков
И молча слушали Москву,
И сухари жевали с грустью,
В ручей макая их сперва,
И нам казалось — пахнут Русью
Простые русские слова.
За тридевятым перевалом
Осталась милая страна,

И в нашей памяти вставала
Родная наша сторона —
Деревней,
Улицей неброской,
Резной скамейкой у ворот
И той единственной березкой,
Что вечно в памяти живет.
И вдруг сигнальная ракета
Взметнулась каплей голубой
Над лесом.

Означало это:

Нам снова в бой!
Нам снова в бой!
За весны, что у нас отняты,
За все, что отдано войне,
За вас, погибшие солдаты,
Мы бьемся в дальней стороне.
За мир от края и до края,
За землю милую свою...

Мы взяли город у Дуная
В том наступательном бою.

ГОЛОС МОСКВЫ

После боя,
В лесу,
На походной стоянке,
Далеко от Москвы
Говорила Москва,
И сурово молчали
Тяжелые танки,

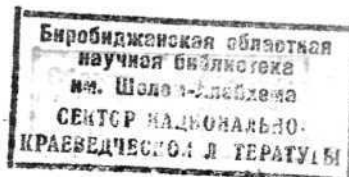
Будто слушали с нами
Родные слова.

О, как сладостна
Русская речь за границей!
Потеплели глаза,
Как под солнцем янтарь.
Таял снег в котелках.
Со снежком и водицей
Удивительно вкусным
Казался сухарь.

Нас не грела весна
В том году на чужбине.
Молча мы тосковали
О небе родном
Да о тихой березке,
О тонкой рябине,
Что у отчего дома
Стоят под окном.

Но зажегся сигнал,
Призывая к походу,
И на вздрогнувшем танке
Качнулась звезда,
И пошли на врага —
За весну, за свободу,
За горячее
Мирное
Солнце труда.

И неслась, и неслась
Колесница стальная

Голос ленинской правды —
Нашей правды слова.
И в свободном к утру
Городке у Дуная
В тот же утренний час
Говорила Москва.

НА ПРИВАЛЕ

В чешской деревушке у садов зеленых
Встала после боя танковая часть.
Запылились хлопцы, им воды б студеной —
В самый раз помыться и напиться всласть.

Вся деревня в сборе у машин толпится. Девушка с улыбкой к танкам подошла И, взглянув на потные молодые лица, — Вам умыться б, хлопцы, — молвила она.

Принесла им воду, ключевую, чистую,
Да кому, не знает, первому подать.
А кругом ребята, стройные, плечистые,
От нее не в силах взгляда оторвать.

Этот просит ласково:
— К нам неси, красавица.
А поодаль весело говорит другой:
— Вот бы мне умыться, да тебе понравиться,
Да поцеловаться бы, девушка, с тобой!

Может быть, от зависти сбились с ног подружки,
 Зазвенели ведрами у криниц тогда.
 Поплыла к машинам в кувшинах и кружках,
 Как любовь девичья, чистая вода.

А когда поднялся месяц круторогий
И моторы песню завели опять,
Собралась деревня с шумом у дороги
Танки краснозвездные дальше провожать.

ПРАГА

О, Злата Прага! Счастливы я и горд
Тебя увидеть с этой башни древней.
Мы шли к тебе не час, не день, не год.
И вот пришли. Каштаны словно дремлют.
Ты выжила! Струясь, бежит река.
И через дым руин — прострелы света.
О, Злата Прага, — вот моя рука.
На дружбу дай свою. Поет пусть лето
Звенящим смехом. Песенный прибой —
Как отзвук позабытой канонады.
О, Злата Прага, славлю я с тобой
Твоих сынов, что шли на баррикады.
Я вместе с ними плачу и смеюсь,
Когда я слышу звонкий голос детский:
— «Наздар» — земле названьем гордым — Русь!
«Наздар» — солдатам Армии Советской!
О, чудо-город, вновь свободен ты!
Я шел к тебе сквозь гром лихой атаки.

Твои я помню алые цветы,
Букетами лежащие на танке.
К земле твоей всем сердцем я прирос,
И здесь звучит знакомый миру голос...
То Ленин говорит — сквозь вихри лет и гроз
Пробилось слово, будто к солнцу колос.
Ильич... И, словно пламенный набат,
Передо мною оживают снова
Дни Пражской конференции —
стоят
Большевики за ленинское слово..
О, Злата Прага! Счастлив я и горд
Тебя увидеть с этой башни древней.
Мы шли к тебе не час, не день, не год.
И вот — свободна ты. Каштаны словно дремлют.

ИСПРАВЛЕННАЯ ОТМЕТКА

В детстве был учитель у меня, Знающий, но очень уж суровый. Недовольством сдвинутые брови Памятны до нынешнего дня.

Помню, вызвал к карте: — Ну, дружок,
Покажи-ка Венгрии столицу...
И пришлось мне, помню, провалиться:
Отыскать столицу я не смог.
— Что ж, садись, — сказал он, — единица!

Прошумело много долгих лет.
Как-то в Будапеште, на привале,

Повара танкистам подавали —
В первый раз по-мирному — обед.

Мой дружок, механик-сибиряк,
Помню, мне сказал тогда с улыбкой:
— Ты, земляк, не убивайся шибко,
Ты теперь в отличниках, земляк.

Не на карте, а в святом бою
Ты нашел венгерскую столицу.
Дома школу навести свою —
Пусть старик исправит единицу.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Как весельна ты, памяти..
Ты ведешь меня снова
фронтовыми путями,
опалаяешь войною..
...Вот Мамаев курган.
Он в дыму и воронках.
Тут редуты врага,
фронта нашего кромка.
Сколько пало здесь рот
у святого подножья!
А сегодня падет
еще больше, быть может.
Понимает любой —
жертвам быть..
Но, однако,

мы готовимся в бой,
мы рванемся в атаку.
Дан приказ, это значит —
завладеем курганом:
потому что иначе
нельзя нам, нельзя нам!
...Как всеильна ты, память!
Ты ведешь меня снова
фронтовыми путями,
опаляешь войною.
Вижу мой батальон
у сосновой опушки.
По нему с трех сторон
бьют фашистские пушки.
Как свирепы бои,
как сильна канонада!
Но ребята мои
богатырского склада.
Бьют из танков в упор,
давят вражьи орудия,
грозен смелый напор —
славный акт правосудия!
Что-то сжалось в груди —
как осколки вонзились...
Где ты, мой командир,
где Баранов Василий?
Экипаж боевой,
Коллектив соколиный?
...Вот могила его,
на могиле калина.
Он сгорел вместе с танком
в схватке долгой и лютой...
Погребли мы останки
под раскаты салюта.
На могиле танкистов —
ромашки и розы,

над ее обелиском —
спокойные звезды.
...Перед братской могилой
снял я шапку свою.
Все задумчивым было
в этом мирном краю.
И промолвил я тихо:
«Дорогие ребята,
вы от черного лиха
все спасли, что нам свято,
я души в вас не чаял
и люблю неизменно...
Я, друзья, обещаю,
я клянусь, как военный:
буду помнить о вас я
до конца и по-братски
и Отчизне родимой
служить по-солдатски».

ЭКИПАЖ

Голованов, комтанка...
Высокий. Из тех,
Кого смерть не брала,
кого пуля щадила.
Все казалось:
родная кубанская степь
Широтой своевольной
его одарила.

Яша Риммер. Стрелок.
(А когда-то — портной.)

Он глаза удивленные
вынес из детства.
Так любил прихвастнуть он
Одессой родной,
Что к нему обращались:
— Эй, парень! Одесса!

А механик-водитель?
Донбасский шахтер,
Гармонист и всеобщий любимец,
Антонов,
Как он пел!
И гармошки его разговор
То был прям по-солдатски,
то печален и тонок...

Ваня Стриха, радист.
Был он русоволос,
Книгочей и мудрец
с беспокойной душою.
Он мечтал поступить в институт —
не пришлось.
Стала главной наукою —
азбука боя.

Эти четверо —
разные, как ни взгляни,
Непохожие, —
в главном похожими были:
Жизнь с горячею страстью
любили они.
Но Отчизну свою
больше жизни любили.

Каждый что-то свое
свято помнил и знал,
Но четыре судьбы,
но четыре дороги
Свел в единое целое
трубный сигнал
Всенародной беды,
всенародной тревоги.

Дружба их
молчалива была и проста.
И назло всем
искавшим их смерти разрывам
Их хранила отвага
и та правота,
Что солдату дается
в бою справедливым.
Став друг другу родней
самой кровной родни,
Словно черти, черны, —
только светятся зубы, —
Хоть горели они —
не сгорели они
И сквозь воду прошли,
и сквозь медные трубы —

Даже в танковом нашем,
в том славном полку
Из гвардейцев гвардейцами
были те парни!
Кое-что позабылось,
что знал на веку,
Но для этой четверки —
как дом моя память.

Помню утро весеннее:
первый день без войны.
Кончен счет испытаниям лютым.
Помню — даже восход
у дунайской волны
Нам казался
победным салютом!

Это — наша победа,
завоеванный, наш,
Праздник нашего правого дела!
И в обнимку стоял на броне
экипаж,
И гармонь знаменитая пела.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ

Василий Лукич
сталевар,
из волжан,
из Сормова взят,
из запаса.
И вот он в бою —
помкомвзвода,
сержант
и снайпер
высокого класса.

И выпало «тигру»
познать его стиль.

Как страшно он
пер на солдата!
Лукич, как Буденный,
усы подкрутил:
«Гранатами гада,
ребята!..»

И после,
в солдатском кругу знаменит,
говаривал он для заправки:
«Ведь «тигр» — та же сталь,
только больно гремит.
А я же ведь мастер
по плавке!
И должен я впрок
наготовить успеть
фашистского металлолома...»
И ус подкрутил он —
как прежде, успех
означив привычкой
знакомой...

И вот над мартенами
свет зоревой,
Василий Лукич
«на гражданке».
И почерк он свой узнает
фронтной,
увидев трофейные танки.

Не этот ли вспыхнул
от связки гранат,

как бочка с бензином
от спички?..
И мастер обходит
платформы подряд
и крутит усы
по привычке.

ИВАНОВ

Вот он глядит из той поры военной,
Запечатленный в памяти моей:
Веселый взгляд, по-детски откровенный,
Из-под густых, как плюшевых, бровей...

Я так его хотел бы видеть снова!
Ведь он меня по-братски обнимал,
Когда ему я раны бинтовал,
Среди огня смертельно-навесного.

А было так:
в пристрелянные дали
Стволы глядели на передовой.
Мы из траншей, помню, наблюдали
Воздушный бой сверху, над головой.

Казалось, что от рева «мессершмиттов»
Оглохнули и небо, и земля.
А летчик поливал свинцом бандитов,
Сражаясь в одиночестве с тремя!

Вот он пронесся молнией над ними
И по врагу ударил с высоты,
И первый «мессер» захлебнулся в дыме,
Упал, взметая землю и кусты.

Горит второй. А третий — поле боя
Покинул и нырнул за облака...
Наш летчик посадил машину в поле —
Пробиты были крылья ястребка...

Где он теперь?
Не знаю. Полевые
Сменились почты. Адрес трижды нов.
Лишь только помню частую в России
Фамилию простую —
Иванов!

ТУЛЬСКИЙ САМОВАР

Друг застолья неперменный,
Вот где встретился ты мне!
На пути моем военном
В чужедальней стороне.

Ну, а он — на полном взводе,
Гонит пара облака.
Вдруг присвистнул — тоже вроде
Рад увидеть земляка, —
Мол, готовь, солдат, посуду!
Как щекочет ноздри пар!..

— Эй, хозяин!
А откуда
В этом доме самовар?

И в ответ — уж так невесел —
Тот едва пролепетал:
— Из какой-то
Из Одессы
Ганс в подарок нам прислал...

Самовар сипит, клокочет,
Распирает пар бока,
Словно он взорваться хочет,
Да не вырвана чека...

А хозяин, льстив донельзя,
К чаю просит (жаль, что стар!)...
Мне глаза слепит до рези
Блеском
Тульский самовар.

И, нещадно душу рая,
Вдруг поплыли предо мной
Тени виселиц в тумане...
Поле горя, поле брани —
Лик земли моей родной.
И очнулся —
Сердцу больно,
Руки ищут кобуру,
И хозяин хлебосольный,
Побледнев, присел в углу...

Мы с такими не воюем,
Вот врага бы — наповал...

Мы, хозяин, почаюем,
Ганс — вот он «отчаевал».

ГЕШЕФТ

Мне с венграми досталось разделить
Победы радость.

Было все похоже
На то, что мне в тот день любой прохожий
Считал за долг улыбку подарить.
И я бродил, той радостью согрет,
По городку с беспечною разини,
И подошел дорогой к магазину,
По случаю нехватки сигарет.
А он являл собою пустоту,
Среди развалин чудом уцелевший.
Да, пуст был он.

Но за прилавком плешью
Поблескивал хозяин на посту.
Хозяин — толст, в ермолочке и скор
В движениях —

развел руками: видишь...
На языке простого люда — идиш —
С хозяином заводим разговор.
На языке знакомом и веселом
Приветствие радушное звучит:
— Шолом влейхем! — мне он говорит.
И отвечаю я: «Алейхем шолом!»
— Откуда ж вы, позвольте вас спросить?
Какие ветры по миру носили?
— Как видите, хозяин, из России... —
Он на погочы глазом стал косить.
— Э-э-э, как же не слышали!

Мир болтлив,

Как тот раввин из нашей синагоги,
Мой дед едва унес оттуда ноги,
Когда еще, хи-хи,

я был соплив,
Вы скажете, он подобру сбежал?
Его богаче не было в Одессе!
А вы — откуда?

Извините, если...
— Есть город там такой — Биробиджан...
— Ах, — будто треснул на зубах орех, —
Туда же можно ехать на кончину!
Тайга, медведи, небеса с овчину...
Простите мне, хи-хи,

мой глупый смех... —
И он, повеселев и поблажев,
Прошелся за прилавком, подбоченясь...
— Еще вопрос имею к вам, почтенный:
Какой вы там имеете

гешефт?
То на меня он весело глядел,
То зло —

на автоматную гашетку...
— Простите, — отвечаю, — но гешефтом
В знакомом идиш

я не овладел.
— Как можете шутить, — скривил он рот.
Но вот опять затараторил бойко:
— Мы магазин имеем?

Маслобойку?
Чем делаем свой маленький доход?
Тут я захохотал — о, бизнесмен!
Лицо дельца

враз вытянулось тупо.
— А мой гешефт понять вам недоступно!
Простите мне, — ха-ха! —

мой глупый смех

Спросить позвольте: вы давно с Луны?
Я вижу, бизнес вам проел печенку.
Вы все еще — хозяином лавчонки,
А я давно — хозяином страны.
Я — тракторист, хозяин. Я пашу —
И пышен хлеб мой на столе

Отчизны!

Вот это, я сказать вам должен, — бизнес.
О чем я, кстати, и стихи пишу.
О, у меня богаты закрома,
Засыпанные этими руками!
Но час пришел — бороться с сорняками
Нас призвала история сама.
А как живем, так тот напрасен спор:
Что спорить, если прежде не увидишь?..
Тем кончился на языке,
на идиш,
Приятный обоюдно разговор.

НЕ ЗАБЫТЬ

Не забыть, не избыть
Той военной години.
Над окошком избы
Наклонились рябины.
Глухо брякнул засов,
Открываются двери.
В тихий дом я зашел
И глазам не поверил —
В трех колясках
Убитые дети лежат...
Сердце в бешеной пляске.
Здесь войну и пожар

Нес безумный фашист нам,
 И фашист их убил.
 Я в рассветную рань
 Разрядил карабин.
 И пошел я по черным
 Дорогам войны,
 Каплей малой в упорном
 Напоре волны,
 Что слила воедино
 Весь гнев и всю боль —
 Я за смерть и седины
 Шел на праведный бой...
 Над туманами ранними
 Новых песен волна.
 Незажившею раной
 В самом сердце — война.

ТОТ НОВЫЙ ГОД

Без слов торжественных и праздных
 Тот, сорок пятый —
 Только наступивший,
 Встречали мы,
 Вступая в праздник,
 Совсем как в бой вступать привыкли —
 С марша.
 И вжаты в снег накат землянки
 Укрыл нас —
 Всех живых из роты нашей.
 Под маскировкой стыли танки —
 Впервой за год одни, без экипажей.
 Без слов торжественных, ненужных
 Сглотнули ком,

Весь год стоявший в горле.
 И водку выпили из кружек,
 И рукавами молча рты отерли.
 И каждый, каждый вспомнил просто
 В молчанье, тяжело, скорбно распростертом,
 Тех, не дошедших до предместья, —
 Тех, кто остался там,
 В сорок четвертом.
 Еще под снегом стыннут танки...
 Еще молчим.
 И словно ждем кого-то...
 Дунай, предместье —
 Сразу от землянки.
 И старшина вздыхающий — Федотов.
 И дом,
 И вся как есть Россия.
 И новый год,
 В который мы вступаем.
 ...Победы год с утра открыли
 Мы, взяв деревню, —
 Сразу за Дунаем,
 Без слов торжественных и праздных...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты помнишь, мой дом,
 Мы простились с тобой.
 Мы шли по земле
 из огня да в полымя.
 Из боя —
 в другой, оглушающий бой,
 И дым над землею

был горше полыни.
Я шел, чтобы
каждый росток уберечь,
Все травы,
цветы и деревьев побеги.
Так здравствуй!
Настало опять время встреч.
Я — вестник Победы,
частичка Победы!
Что, я изменился? —
Ни слова в ответ.
Лишь добро скрипят
твои старые двери,

Ответишь, что «да» — я поверю,
а «нет»,
И «нет» твоему
я, пожалуй, поверю.
Я тот же,
и так же,
как прежде,
мой дом,

Горяч я и молод,
Хоть стал я мужчиной,
Хотя на лицо
своим грубым резцом
Война, не скупясь,
наносила морщины.
Слова эти я
сочинял и берег.
Но радостью скован
какой-то большою,
Когда предо мною знакомый порог
И стены, и окна твои предо мною,

РОМАШКИ

От взрыва бомб мутился разум,
И люди гибли от огня.
И смерть уже жестоким глазом
Посматривала на меня.

А тут ромашки...
в смертном пепле.
До боли сжаты лепестки.
Они страдали в том же пекле.
И погибали по-людски.

Но и цвели они, страдая,
У той безвестной высоты...
И мысль пришла ко мне простая:
Ведь надо же полить цветы!

— Ну-ну... Держитесь, бедолаги! —
И с тем я каждому цветку
Дал из походной старой фляги
Воды и жизни по глотку.

...Опять мне память подарила
Один из позабытых дней...
Бог мой, ведь что-то говорила
Жена...
Ах, да — «Цветы полей!»

ДРУГ

Зямку знаешь?
Славный парень — Зямка.
Дружба наша по сей день прочна:
Нас сроднила с ним одна землянка,
Побратала нас одна война.

В час бессилья под огнем фугасным, —
Коль впустую кладает затвор, —
Прорывался к нам с боеприпасом
Верный Зямкин бронетранспортер.

Что его в земном аду хранило?
Но когда беда нашла его,
Словно между делом обронил он,
Зажимая рану: «Ни-че-го!..»

Молодость, как в топке, прогорела,
Но неужто вышли из игры?..
Двое ветеранов поседелых
Вечерком гуляют у Биры.

Листья кленов вздрагивают чутко...
Время с Зямкой нас не развело.
Как и прежде, друг мой скор на шутку,
Только вот ступает тяжело.

Скажет кто-то: крепко, мол, отмечен,
Орден «Славы» тоже примет в счет...

Но я знаю, что с рассветом встречу
Друга по дороге на завод.

Кто нас пожалеет — мы попросим
В цех кузнечный:
друг мой дорогой
Словно с плеч крутые годы сбросил —
Так послушен молот под рукой!

Молот бьет (а чужится: фугасы...),
Пот с лица — не смей припасть к воде.
Словно снова ждут боеприпасов
Верные товарищи в беде.

Как ни кинь, а друг живет незябко!
Я в поту, а другу каково?
— Как живешь, — кричу ему я, — Зямка?
Он кивнул смешливо: «Ни-че-го!..»

Ничего, дружище! Годы наши
Прожиты недаром — и не жаль.
Ты ведь прав, что мы еще попляшем,
Коль рукам еще подвластна сталь!

ВАРЕЖКИ

На фронт мне раз
прислали варежки.
Я лучших в жизни не видал.

Но,
сердце словно согревающий,
Был безымянным этот дар.
Прошли года,
шаги печатая.
Эй, где ты, друг мой,
отзовись!
Обзаводился я перчатками,
Сносил я уйму рукавиц.
Все были хороши по-разному.
Но скажем,
прочим не в укор:
Те, видно, лучше были связаны.
Представьте — греют до сих пор!

ВСТРЕЧА

Что скажу, ошеломленный встречей,
Через столько долгих зим и лет?
Так, улыбкой солнечной расцвечен,
Тишину еще хранит рассвет.

Я узнал девчонки-непоседы
Прежней, той, — глаза и взлет бровей.
Спой, дружок, как пела в День Победы
У походной рации своей!

Хочешь — платы от меня потребуй,
Прикажи, чтоб я тебе принес
Радугой простроченное небо,
Ожерелье синее из звезд...

Спой, дружок, чтоб все припомнить снова,
Голос твой мне так необходим!
...Мы стоим, не говоря ни слова,
Друг на друга пристально глядим.

* * *

*...В один из последних дней войны,
при взятии крепости Бреслау, быв-
ший биробиджанский рабочий Иосиф
Бумагин повторил бессмертный под-
виг Александра Матросова...*

*...Лейтенанту Бумагину посмертно
присвоено звание Героя Советского
Союза...*

*...В польском городе Вроцлаве ус-
тановлен памятник герою...*

Из газет

Не бывал я в городе Вроцлаве,
Знатокom себя не нареку.
Если же писать о нем я в праве,
Этим я обязан земляку.

Стал тот польский город,
город светлый,
Адресом последним земляка,
Не последний адрес,
а посмертный,
А еще точнее — на века...

Город тот от вражьей пули
грудью

Так далеко от Биры до Вислы!
Но солдатский подвиг навсегда
Породнил их — потому и мысли
Снова обращаются туда.

Дескать, здравствуй,
дорогой Иосиф,
Я поклон принес от земляков;

Был завод обозный — самый
 важный!
 Немощенных улиц маета.
 А сейчас среди многоэтажья
 Не узнал бы ты свои места.

Знают их Болгария и Куба...
И отсюда, непривычно тих,
Добрый взглядом издали голубя,
Бронзовый, ты провожаешь их...

Как она ждала, какие муки
Приняла, надеясь и скорбя?
Посмотри, Иосиф, это внуки
Окружили дедушку, тебя.

Потому героев павших слава
Неподвластна пуле и годам...
И читают дети
 во Вроцлаве —
«Лейтенант Бумагин...»
 по слогам.

ДВЕ БЕЛЫЕ РОЗЫ

Две белые розы в комнате моей
Красив и нежен грустный их наряд.
Две розы у меня,
и много дней
Они, как два светильника, горят.

Их поливаю чистою водой,
Слезам — с тишиной наедине.
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.

Я двух сестер лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветочки к окну
Поставил я как памятники им.

Закат. Мне время розы поливать.
Нам надо жить — любить сестер своих,
Погибших никогда не забывать,
И охранять,
и охранять живых...

К МАШИНИСТУ

На эхо боя под Карпатами
Состав отчаянно гоня,

Ты тяжкий хлеб делил с солдатами
У самой линии огня.

В часы бомбежки ожесточенной
Умел маневр предусмотреть,
И из-под рельсы развороченной
В твои глаза смотрела смерть.

В тылу ночами беспокойными
Заботой мучился одной,
Что, может, беден я обоями
И грежу корочкой ржаной.

И ни усталости, ни хворости —
Сквозь вьюгу валенки мне вез,
И кочепел на полной скорости,
Чтоб я в окопах не замерз.

Ты вез солдату письма мамыны,
Связав железно фронт и тыл,
И вез ответ его из пламени,
Что жив и сердцем не остыл.

А кто доставил победителей
Домой? А кто через хребты
Везет заказы для строителей?
Герой мой, кто же, как не ты?

ПРИАМУРЬЕ РОДНОЕ

Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделась в вечернее платье,

Скирда уже кажется древним курганом,
И горизонт свои сузил объятья.

Мы едем неспешно на газике с поля,
Порой о крыло задевают колосья,
И словно о чем-то мечтают раздолья,
И словно скрипят в отдалении полозья.

А может быть, сельские это криницы
Поют, подымая тяжелые ведра,
И люди к ним с поля подходят напиться,
Чтоб жажду унять и почувствовать бодрость.

Так, помнится, было в селе на Украине,
Где рос я когда-то, учился, работал,
Но с краем родным я расстался
и втайне

О нем тосковал
В приамурских широтах.

С тех пор утекли уже десятилетия,
В суровую почву, как дерево, врос я,
На этой земле родились мои дети,
Как эти, взращенные мною, колосья.

Не надо мне лучше, чем край Приамурья...
Вот эти леса, полноводные реки,
Луга, новостройки и неба лазурь я
Давно полюбил горячо и навеки.

...Закат догорает на гребнях Хингана,
И степь приделалась в вечернее платье,
Ее — с перелеском, дорогой, стогами —
Как мать, заключить бы мне нежно в объятья.

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

...Мне дорог этот город.
Люблю гудков его
Рассветный говор,
И звон Биры,
И сумерки аллей —
Здесь я встречаюсь
С юностью моей.
И часто снятся мне
Костры и ливни,
Гул тракторов,
Звонкоголосье пил.
Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таежный воду пил.
Здесь все мое.
Я с улицей сросся
Душой навек.
Светлы ее дома.
Взметнулся город
Птицей-песней легкой,
И я шепчу
Шолом-Алейхема слова:
«Смеяться здорово,
Врачи велют смеяться!»

На площадях цветет сирень, акация.
Шолом алейхем —

это значит

Мир вам!
Что может быть дороже
Этих слов!
Мой город спит
Под небосводом мирным,
Укутанный таинственностью снов.
Шолом-Алейхем —
Звонкий мастер слова —
Любил людей.
И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся
С ним снова
На улице,
Носящей это имя,
Здесь поднялись дома
До неба синего,
Здесь встали корпуса
Заводов новых.
Живут здесь люди
Честные и сильные —
Строители
Невиданнейшей нови.
Когда рассвет
Крыло зари расправит
И приподнимет
Черный полог ночи,
Ему навстречу
Двери открывает
К станкам своим спешащий
Люд рабочий.
О, если б мог
Шолом-Алейхем видеть,
Как труд их светел,

Радостен и славен.
Он — вечно молодой
Смешливый витязь,
Великой

Песнью Песен

Их прославил.
Над городом —
Распахнутые дали...
Шолом алейхем, люди!
Мир вам, Люди!

ДО СВИДАНИЯ, ТЕПЛООЗЕРСК

Утро доброе, поселок! Пусть звучат
В час прощанья струны нежности в привет.
Словно удочку, забрасываю взгляд,
Чтоб в улове взять с собой картины эти.

Горы поясом, и движутся дымки
Там и тут, как белорунные овечки,
Солнце в озере, луга и тальники
И таежные березоньки как свечи...

С этих мельниц возят с цементом мешки,
А по рельсам

люди выдержки гвардейской
К Братской ГЭС,
Сверхтяжелые ведут товарняки
Иркутской ГЭС,
Теперь и — Зейской.

Всюду люди: у печи и у станка,
В белом корпусе, на крановой ли вышке.
Я о них пою. Любовь к ним горяча,
В этих строчках сердца трепетные вспышки.

В РОДНОМ СЕЛЕ

Я снова здесь в родном селе,
Смотрю, как тянутся к земле
Созвездий дальних нити:
Ночной Амур колышет их,
И пляшет свет миров иных
В его воде, как в сите.
Водою талой луг набух,
И почки лопаются вслух
В саду у спящих окон.
А лес обнову тклет себе,
И первый, радуясь судьбе,
Зеленый вьется локон.
И этот луг, и этот бор,
Как восклицанья — пики гор
Хочу запечатлеть я.
Я только гость,
но все, что есть,
Со мной, во мне,
как будто здесь
Живу тысячелетья.

ПОДСНЕЖНИК

Со мной сегодня говорил подснежник,
насмешник,

молодой весны приспешник...
Манил,
молил:
— Сорви меня скорее!
Согрей меня,
и я тебя согрею...
Так мне сегодня говорил подснежник.
К нему склонился,
словно к колыбели
впервые мать склоняется,
робея,
и услышал,
как тоненько и нежно
о молодой весне поет подснежник...
Мне о весне сегодня пел подснежник...
Просты слова той пезни
и красивые,
как реки,
набирающие силу,
как молодая зелень
всходов вешних,
как ждущий птиц
веселый дом-скворечник.
Мне о весне сегодня пел подснежник!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Солнце скрылось в горах,
На ночлег закатилось.
На проселочный шлях
Темнота опустилась.
Лес молчал.
Лишь беззвучно

Качались вершины.
Лес встречал
Тишину,
Холод полз по лощинам.
В небе коршун кружил —
Неизменный, привычный.
То ль задумался он,
То ль грустил о добыче.
Мы сидели вдвоем
Над спокойной водою.
А на том берегу
Бил прибой беспокойный.
— Почему это так, —
Я спросил у соседа. —
Тут, как озеро, гладь,
Там — вода-непоседа,
Там — клокочут
И пеной буруны вскипают?..
— Если хочешь,
Я тайну тебе разгадаю, —
Так сказал мой сосед
И повел свой рассказ.
Много минуло лет,
Но я помню сейчас,
Как дрожал его голос,
Как рвался порою...
Словно вблос
Травы
Под стальною косою...
Затухал на минуту
И вспыхивал снова.
Я к рассказу его
Не прибавил ни слова.
«Это было давно,
Так давно, что, пожалуй,
В речке нашей воды

С океан убежало.
Тут мы жили —
Отец и, как в сказке,
Три брата.
И сказать — не соврать,
Жили мы
Небогато.
Лодка, парус
Да фанза с дырявою крышей, —
Нищета.
Обвисают у паруса крылья.
Да и верно,
Откуда достатку-то взяться?
Тянет бедность,
Как якорь,
На дно —
Не подняться.
И с закатов
Неярких
До ранних рассветов
Мы тянули
Тяжелые мокрые сети.
Но однажды
Рассвет был
Особенно ранним,
Полыхая над тайгой
Он недолго, но ярко...
Как потом я узнал,
В эту ночь партизаны
Подорвали
Моста серповидную арку.
Мы не спали в ту ночь
до рассвета.
С зарею,
Только серые окна
Забрезжили робко,

Наш отец попрощался
 Со всею семьею
 И ушел к партизанам
 Заветною тропкой.
 Много ль, мало ль
 Прошло с того дня — не упомню.
 Память годы уносят,
 Как камни река,
 Только знаю,
 Что слухи ползли все упорней —
 Объявился в округе
 Отряд Рыбака.
 И пошло:
 Полетели под насыпь составы,
 Боль народа — солома,
 Искру кинь — и пожар!
 Никакие засады,
 Никакие заставы
 Не могли
 Отразить правый гнев партизан.
 Но однажды —
 Запомнил ту ночь навсегда я, —
 В тусклом свете луны
 На обрыв у реки,
 К самой кромке беды —
 Шаг до смертного края —
 Привели на расправу
 Отца беляки.
 В кандалах привели,
 Даже пленный им страшен.
 И сказали убийцы:
 — Покайся, Рыбак!
 Вот твой дом,
 Вот река.
 Только все это — наше!
 И ответил отец мой им:

— Как бы не так!
 И тогда-то
 С высокой, обрывистой кручи,
 Сбитый пулями,
 Рухнул с той кручи отец.
 Низко по небу плыли
 Лиловые тучи.
 И зажглись жаждой мести
 Десятки сердец.
 Потому-то
 Волна у скалы в белой пене,
 И о камни
 Стучит за накатом накат.
 Гнев за гибель отца
 Слышу я в этом пенье.
 Это сердца отцова
 Тревожный набат...»
 Он замолк...
 И не кленлась дальше беседа.
 Догорал за рекою
 Далекий закат...
 И впервые я понял,
 Почему у соседа
 За последние войны
 Так много наград.

ИЮНЬ-КОРАНЬ

В распахнутую солнечную
 рань
 Задумчиво глядит Июнь-Корань.
 Прославленная в битвах высота,
 Опять тобой полна моя мечта.

Сверкнула, как штыка стального
грань,
Роса в густой листве...

Июнь-Корань...

Стою я, покоренный красотой,
Перед тобою — гордой высотой.
Июнь-Корань, я бесконечно рад,
Что птицы мирно над тобой парят,
Что старый след траншеи боевой
Давно зарос курчавою травой,
Что нет колючей проволоки тут
И стерт с лица земли войны редут.
В снегах, метелях стали и огня
Здесь люди закалялись,

как броня,

И, как всегда, шли первыми вперед
Партизцы Ильича —

за взводом — взвод.

С волнением на война смотрю,
Он отдал жизнь родному Октябрю
И, воплотившись в памятник-
гранит,

Навеки славу русскую хранит.

БЕССМЕРТИЕ

Я — у братской могилы
на станции Ин.
С неба пухлыми хлопьями
падает снег.
На висках оседает он
прядью седин.
И слезой на щеке
оставляет он след.

Ветер тихо
Забывшие песни поет,
прогрохочет состав —
будто гром прогремит.
В каждом камне
тут слава героев живет,
эту славу здесь
каждый распадок хранит.

В пенье ветра
мне чудится голос бойца,
поднимающий в бой
поредевший отряд.
Слышу — кличет Шевчук:
— Тут стоять до конца!
Вижу: буйным пожарищем
зори горят.

Через станцию мчится
тяжелый состав —
или то бронепоезд
уходит в дозор?
Мерно бьется
о рельсы колесная сталь.
И суров машиниста
пронзительный взор...

У МОРЯ

У меня и у моря
Бессонница...
Ковш Медведицы книзу
клонится.

Звезды падают, чуть шурша,
На сырой песок из ковша.

Море сонно и глухо
ворочается
С боку на бок,
с волны на волну.
Море, море,
чего тебе хочется?
И тревожно мне почему?

Ты штормами безумно играло,
Ты валы до небес поднимало,
Разбивая о скалы их.
Что же норов твой поутих?

«Незабытое — не забыто,
Как осколок в груди твоей
С той проклятой и
неизбытой —
Лодки атомные во мне.

Я суда качаю рыбачьи,
Размыкаю я устья рек.
Я тебе принесу удачу,
Помоги же мне, Человек!»

ДОЧЕРИ

Только земля бы
не ведала горя,
Только бы небо сиренью цвело...
Ты одолеешь высокую гору

Вьюгам и собственным страхам
назло.
Мир оглядишь с высоты перевала
И на вершине,
на той крутизне,
Вырубишь в камне
цветок небывалый —
Дар свой природе,
и людям,
и мне.
Я проложил тебе стезю,
спокойно,
Смело вперед,
без оглядки, иди.
Только тропы не ищи ты окольной,
Только у моря погоды не жди.
Только люби свою отчужденную землю,
Только обуздывать сердце умей.
Пусть проводник — твоя совесть —
не дремлет:
Кто приведет тебя к цели прямой?

РАЗГОВОР С ВНУЧКОМ

Светлана, — утешение мое,
Будильничек мой звонкий на рассвете.
Смотри, мой птенчик, новый день встает,
Светает — словно праздник на планете.

Спросонок глазки протираешь ты,
В них солнечные зайчики играют,
И ясен день от края и до края,
И полон мир добра и красоты.

Несет Бира стремительные воды,
Над нею мост, как радуга, парит,
И — видишь? — дремлет юная природа,
И сизый дым над сопками стоит.

Наполнен город свежестью лесной,
Прекрасен почерк башенного крана,
И день идет — с игрушками, с весной,
Светает в мире радостном, Светлана!

СЫГРАЙ МНЕ, НЕХАМЕЛЕ!

Несложного напева повторенье...
Я дочери соседа говорю:
— Играй! Тебе всегда я отворю
Скрипучие врата стихотворенья.

Нехамеле,
сыграй на скрипке снова!
Тебе я в стену
грозно не стучу.
Я по складам
мелодию учу,
Чтоб сочетались музыка и слово.

Без музыки бы души онемели,
Искусство омертвело бы тотчас.
Когда вбегает песенка, лучась, —
То праздник наступает среди недели!

Нехамеле, нет лучшего в природе.
Чем эта дружба скрипки и смычка!
Я вижу: заполняется строка
Сиянием и трепетом мелодий...

Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада.
Присядь со мною, говорить не надо.
Давай споем под музыку воды.

Пусть нашу песню слушают цветы,
Девичий голос жадно ловят птицы,
Им у тебя, тебе — у них учиться...
Никто здесь не был —
только я и ты,

Дрожат росинки на ресницах трав,
В них маленькие радуги играют,
Восторженно глаза твои сияют,
Всю красоту весны в себя вобрав.

Ты улыбнулась, словно кто позвал.
Меня, родная, это не тревожит:
Другой влюбленный звать
тебя не может —
До нас никто в долине не бывал.

В СОРМОВЕ

Я в Сормове.

Заветный дуб возник,
Как памятник, на берегу воспетом.
Кто и когда мне рассказал об этом?
Учил ли в школе?
Знаю ли из книг?

Поет гармонь,
станков не слышен гул.
Рабочие гуляют по проселку
И сходятся в дубраве втихомолку,
Где тайну их деревья берегут.

И кто-то смело начинает речь,
Рабочей правдой сходку зажигая,
Он говорит, что будет власть другая,
Своя — лишь стоит мускулы напрячь.

И над маевкой празднично паря,
Звуча, как огнестрельное железо,
Бесстрашно атакует «Марсельеза»
Помещика, буржуя и царя...

Я в Сормове,
в районе заводском,
Где ярост свет, струящийся из окон.
Не спят цеха в стремлении высоком,
Над чертежом склоняясь и станком.

О, выросшие вместе с кладкой стен
Эпохи звездной, — помните о делах!
В свершеньях ваших,
в планах и победах —
Да будет подвиг их благословен!

ОСЕНЬ

Не омрачай меня. Чем хочешь докучай,
Но только стариком меня не величай.
Цветет и старый сад, чья крона так густа,
Как он, белоголов и я в мои лета.

По молодости ты насмешлива со мной,
На сопку поглядев, пугаешь крутизной,
Прощаю я тебе заносчивость твою:
Иду и ни на шаг — смотри — не отступлю!

И я люблю, как ты, и радуюсь, как ты,
Во мне, как и в тебе, не меркнет жар мечты,
И кажется порой, что время молодит,
И что реки моей шуга не охладит.

Но лишь сомкну глаза — мерещится вдали
Низина. Голый лес. Холодный лик земли.
Звенит мой листопад. Иду и не ропщу,
Но к сердцу своему его не допущу.

Не омрачай меня. Чем хочешь докучай,
Но только стариком меня не величай.

Хотя все больше я в недугах одинок,
И желтая метель шуршит у самых ног.

У ПАМЯТНИКА ХАБАРОВУ

Когда хабаровских бульваров
Ворвется в тамбур шум лесной,
За дверью в город
сам Хабаров
Поднимется передо мной.

В тулупе, брошенном на плечи,
В рубаше кованой своей
Вот он стоит в минуту встречи
Сошедших с поезда гостей.

Вбежать бы, как по виадуку,
Наверх по камню — островку
И протянуть живую руку
Осанистому старику.

И прикоснуться к этой силе,
Что из устюжского села
Через Сибирь на край России
Зеплепроходца привела!

Скажи, казак, какие бури
В борьбе за дикую тайгу
С тобой сходились на Амуре,
На албазинском берегу?

Какие яростные выюги
Ты подчинил свой звезде,
Ведя израненные струги
По неизведанной воде?

Тебе бы скинуть бронзу шубы,
Ожить, увидеть с высоты
Все эти мачты, краны, трубы,
Причалы, лестницы, мосты...

И убедиться, что всесильно
В наш век пророчество твое,
Что место дивное сие
«Украшено и изобильно»...

Молчит Ярκό. А тени зыбки.
Играет каждая черта.
И тронул ясный свет улыбки
Его недвижные уста.

НАЧАЛО

Звездой дальней
ночь взглянула
В окно. Там высь — необозрима...
И вновь срываюсь я со стула,
Лист со стихом —
летит в корзину.

Все брошу. Снова не выходит.
Корявы строки и избиты.
Измотан я, ко мне приходят
И огорченья и обиды.

Ну где же песни той истоки?
И как мне рассказать о том
Простым, как небо,
и высоким,
А не ходульным языком.

Но почему не спит наш дом?
Не спит,
Шаги за стеной слышу.
Соседа кашель узнаю.
Там за стеной —
конструктор Миша
Машину думает свою.

И радостно, и грустно это.
Я в стенку тихо постучал,
Выходит, не одни поэты
Спать не ложатся по ночам.

Давай, сосед, погасим лампы,
Удача, знать, не у дверей.
Нам по полвека, и уж нам бы
Знать надо: утро — мудреней...

За недописанные строки,
За недодуманный чертеж

В ответе мы.
И критик строгий
Нам наша совесть,
Что ж ты ждешь?

...Когда заря плеснула в окна
И по окну роса стекла,
Счастливый, встал я у истока
Новорожденного стиха...

ДОБРОЕ СЛОВО

Когда убитый горем человек
Себя в тоске врачует валидолом,
Приди к нему не с чудом из аптек,
А с добрым словом, смелым и веселым.

Оно должно быть добрым, как цветы
На день рождения, как в походе фляга,
Прозрачным — родниковой чистоты,
И честным, как военная присяга.

Не утешенье, скорбное, как вздох,
Но слово ясной мужественной цели,
Волшебники всех рангов и эпох
Целительнее средства не имели.

Но и оно в могуществе своем
Не позовет ни выше и ни дальше,
Когда вдруг обнаружится, что в нем
Пусть малая, но все же примесь фальши.

НОВЫЙ МОСТ

В речную глядя черноту
Под берегом облезлым,
Весну встречаю на мосту,
На новом — на железном.

Стою с фуражкой в руке,
Глаза от солнца щурю.
Как вымпел — шарф на ветерке,
Пальто — как парус в бурю.

Ломай, весна, последний лед,
Дроби заторы эти!
Шестидесятый ледоход,
Как я живу на свете...

Хочу и дальше, до черты,
Идти с весною в ногу,
И чтобы новые мосты
На всем пути к итогу.

В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ПОСЕЛКЕ

Хинган-река. В ней плещется и тает
Последних звезд тускнеющий накал.
Верблюды-горы в утро выплывают,
Их шеи тянутся в прибрежный краснотал.

Они с горбов отряхивают тени,
И светлый час дыханьем горячит,
Поют гудки, встает народ в селеньи,
На стекла окон солнце льет лучи.

Взметнулся день большой крылатой птицей.
По рельсам трепет, словно гул подков.
Прислушайся, как будто в дверь стучится
Он отзвуком тяжелых поездов.

Гудки поют. По улицам гористым
— Дышать легко, согрет улыбкой взгляд, —
Идут походкой бодрой машинисты
И кочегары к пламени спешат.

Хинган притих. Горящий в блеске пояс —
В нем семафор с приподнятой рукой.
Встречает песней наша область поезд
И провожает в путь, где океан седой.

Тайга молчит, взирая удивленно
На шаг тяжелый, на глубокий след,
То мой народ шагает возрожденный
По новой, солнцем залитой земле.

* * *

В тот миг, едва твоих коснувшись рук,
Услышал я родного сердца стук...

И с той поры мы делим на двоих
Любовь и горечь, радости и стих.

Но подскажи мне,

Как мне разделить

Слова любви, что так тонки,

как нить?

Мой слог горяч, но легок, как волна...

У ног твоих смиряется она.

Слова любви — они пройдут как ветерок,

Едва затронув твой висок,

Не внемлет им вода и невода,

Но их услышит дальняя звезда.

Мой стих любви —

Он легок, словно дым,

Мы делим все, но он

неразделим.

Он — голос мой,

Любовь,

И разум мой...

И я его дарю тебе одной.

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

Дорогая, охапку цветов

Принесла ты — и петь

я готов.

Нашей юности дверь распахни,

Пусть войдет, как в те давние дни.

С нами пусть она в светлом лесу

С тонких веток сбивает росу,

Пьет дымящийся чай

у костра —

Вдохновенья и счастья
сестра.

Выйдем в город под зелень
ветвей,

Постоим над рекою моей.

Пусть рокошет, светла и быстра,

Как поток моей жизни —

Бира.

Что себе пожелать

в шестьдесят?

Пусть летят мои годы,

летят,

Но в киленьи твоём,

бытие,

Пусть не старится сердце

мое.

Ведь я песен своих не допел,

Я с родною землей не успел

Расплатиться стихами

сполна.

Здравствуй, юность,

и здравствуй, Весна!

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

Довелось поэту на веку

испытать фашистский ад Освенцима.

Видел человечью он реку,

в лагерь загоняемую немцами.

Не однажды слышал стон и плач
женщин, обреченных на сожжение.
На его глазах стрелял палач
по детишкам, словно по мишеням.

Сам поэт был к смерти присужден,
но остался жив каким-то чудом...
Много лет минуло с тех времен,
с той поры, как вышел он оттуда...

Поседел, согнулся мой сосед,
на лицо его легла суровость...
Плодотворно трудится поэт,
но о черном лагере — ни слова.

— Почему, — спросил я у него, —
ты об этом ничего не пишешь?
И сказал он хмуро:
— Для чего?
Не хочу я караульных вышек

и собак охранных вспоминать,
не желаю бередить я раны...
И стихи слагаю, старина,
про любовь и башенные краны.

Созиданье — вот в чем жизни суть.
А любовь и жизнь неразделимы.
Потому в редакцию несусь
я стихи и песни о любимой.

ОСТАНОВКА

Автобус —
он обслуживает утро

И ранних пассажиров он берет.
Вот девушка,
хорошенький кондуктор,
Привычно говорит:

«Обоззавод!»

А пассажир
с руками металлста
Из-под очков

бросает строгий взгляд:
— Вы не с Луны изволили
свалиться?

«Обоззавод»
был тыщу лет назад!
От молодой — не ожидал,
признаться,

Ну, были и обозы.
А теперь —
Комбайны. Самоходные.
Красавцы!

Да знаете...
Но тут открылась дверь,
И девушка смотрела не мигая,
Ладонь к щеке горячей
приложив,

Как молодо,
размашисто шагает
Очкастый недовольный пассажир.

УТРО

Семью цветами радуги
Небо опоясано.
Солнечная радость
Прянет через прясла.

Каждая травинка
В бисере росы.
Колос расправляет
Пышные усы.

Дышит зноем лето
И глядит светло.
За речною лентой —
Тихое село.

На крыльцо выносит
Мальчугана мать,
Чтоб над миром росным
Солнце повстречать.

Над лесной опушкой
Розоватый свет.
Насулит кукушка
Парню много лет.

В небе запоздалый
Огонек потух.
В солнечные дали
Выстрелил пастух.

И за синей гранью
Стайкою галчат, —
Свежие, ранние
Голоса девчат!

ДИВО ЖИЗНИ

Ломая лед, беснуется река
и словно распирает берега —
свободный путь ей нужен позарез...

А гул реки разносится окрест.
И, голову невольно обнажив,
гляжу я на крутые виражи
водоворотов и скрипучих льдин...
И сердцу хорошо стучать в груди.
Хотя и дожил я до седины,
меня волнует вновь приход весны,
боренье сил, природы торжество
и эта синева над головой
с потоком животворного огня,
что солнце низвергает на меня.
Несу в руке я легкое пальто,
И грудь переполняет мне восторг.
И возрожденным далям дорогим
я про себя пою
сердечный гимн.
Невзгод немало за моей спиной.
Я перенес с родимой стороной
и тяжкий труд и горькие бои...
Потом о них слагал стихи свои.
Я воспевал весну, боренье сил
и ту любовь, что в сердце я носил.
И чувствую, чем дольше я живу,
тем больше дива вижу наяву.

ПЕСНЯ В ЦЕХЕ

Хоть было шумно в цехе жарком,
Но различал я каждый звук —
И треск огня электросварки,
И говорок станков вокруг.
А ты склонился над деталью
Своей курчавой головой...

И сталь свивалась спиралью,
Отсвечивала синевой.
Я знал, она была горячая,
Как стружка всякая — легка,
Она ложилась в белом ящике,
Как лавры, падала к ногам.
Вот в это самое мгновение
Я вдруг услышал, удивлен,
Твое задумчивое пенье
Под гулкий стали перезвон.
И я подумал:
Труд и песня
Неразделимы меж собой...
Ведь и солдаты Красной Пресни
Шли с песней в справедливый бой.
Да и в года сороковые,
Когда крушили мы фашизм, —
Гревели песни боевые,
Что нами пелись от души.
Мы строим мир Труда и Песни
И счастья доброго —
Для всех...
Без песен целый свет нам тесен,
А с песней — необъятен цех.

У ТЕПЛОГО ОЗЕРА

Заря над близкими горами
С востока тянет невода.
И в темных зарослях, как в раме,
Мерцает тихая вода.

И рыбовод, глаза-озера,
Девчонка, речь со мной ведет:
— Что привлекает ваши взоры,
Что манит вас на наш завод?

Должно быть, любите природу,
Чудесный этот уголок?
А посмотрите глубже в воду:
Там жизни светится поток.

Там крошки-рыбки, видишь еле,
Пройдут в морях огромный путь,
Чтоб здесь, у детской колыбели,
Состарясь в странствиях, уснуть...

Я слушал девушку с улыбкой,
И в бликах трепетных она
Казалась мне прекрасной рыбкой,
Хозяйкой солнечного дна.
И к юной зависти не пряча,
Сказал я в шутку и всерьез:
— Мне с вами дышится иначе,
Хотя годами я оброс.
Когда б они, как рыбки эти,
Могли с водой уйти в моря,
Когда б однажды на рассвете
Вернулась молодость моя!
О сколько дел в моей стране!
О столько б молодости мне!

СОДЕРЖАНИЕ

М. Асламов. Слово к читателю	5
Моя анкета. Перевод А. Рыбочкина	9
Где он, этот солдат? Перевод Р. Казаковой	9
Детство. Перевод Н. Наволочкина	10
Я перенял отцовское умение. Перевод А. Рыбочкина	11
Птенцы. Перевод Р. Добровенского	11
К переводчику. Перевод А. Рыбочкина	11
Фронтная дружба. Перевод Д. Шавера	11
«Лес в душу лез...» Перевод В. Шульжика	11
Голос Москвы. Перевод А. Рыбочкина	10
На привале. Перевод Н. Прокопчука	10
Прага. Перевод В. Соломатова	10
Исправленная отметка. Перевод С. Смолякова	20
Незабываемое. Перевод Ф. Архипова	21
Экипаж. Перевод Р. Добровенского	23
Василий Лукич. Перевод А. Рыбочкина	26
Иванов. Перевод А. Рыбочкина	28
Тульский самовар. Перевод М. Асламова	29
Гешефт. Перевод М. Асламова	31
Не забыть. Перевод В. Соломатова	33
Тот новый год. Перевод В. Леценко	34
Возвращение. Перевод Р. Добровенского	35
Ромашки. Перевод Р. Добровенского	37
Друг. Перевод М. Асламова	38
Варежки. Перевод Р. Добровенского	39
Встреча. Перевод А. Рыбочкина	40
«Не бывал я в городе Вроцлаве...» Перевод М. Асламова	41
Две белые розы. Перевод А. Рыбочкина	41
К машинисту. Перевод А. Рыбочкина	41

Приамурье родное. Перевод Ф. Архипова	45
Улица Шолом-Алейхема. Перевод В. Соломатова	47
До свидания, Теплоозерск. Перевод А. Рыбочкина	49
В родном селе. Перевод А. Рыбочкина	50
Подснежник. Перевод Р. Казаковой	50
Продолжение легенды. Перевод В. Соломатова	51
Июнь-Корань. Перевод Ф. Архипова	55
Бессмертне. Перевод В. Соломатова	56
У моря. Перевод В. Соломатова	57
Дочери. Перевод Р. Добровенского	58
Разговор с внучкой. Перевод Л. Школьника	59
Сыграй мне, Нехамеле! Перевод Р. Добровенского	60
«Ничьи в долину не вели следы...» Перевод Н. Филипкиной	61
В Сормове. Перевод А. Рыбочкина	62
Осень. Перевод А. Рыбочкина	63
У памятника Хабарову. Перевод А. Рыбочкина	64
Начало. Перевод А. Рыбочкина	65
Доброе слово. Перевод А. Рыбочкина	67
Новый мост. Перевод А. Рыбочкина	68
В железнодорожном поселке. Перевод Д. Шавера	68
«В тот миг, едва твоих коснувшись рук...» Перевод В. Шульжика	69
Весенние мотивы. Перевод А. Семенова	70
Разговор с поэтом. Перевод Ф. Архипова	71
Остановка. Перевод Р. Добровенского	72
Утро. Перевод В. Соломатова	73
Диво жизни. Перевод Ф. Архипова	74
Песня в цехе. Перевод Ф. Архипова	75
У теплого озера. Перевод А. Рыбочкина	76

Бронфман И. Л.

Б 88 Живой родник. Стихи. Перевод с еврейского. Хабаровск, Кн. изд., 1981. 80 с.

В книжку вошли лучшие стихи, созданные поэтом. Значительная их часть посвящена Великой Отечественной войне, участником которой был И. Бронфман, другие стихотворения рассказывают о Дальнем Востоке, где автор прожил большую часть жизни.

Б $\frac{70302-9}{M160(03)-81}$ 32—81 4702200000 ББК 84.3
С(евр.)

Исаак Львович Бронфман

ЖИВОЙ РОДНИК

Редактор П. Н. Богоявленский

Художественный редактор А. Н. Посохов

Технический редактор Н. Б. Хохлова

Корректор О. Е. Третьякова

ИБ № 730

Сдано в набор 01.12.80. Подписано к печати 15.01.81. ВЛ 06016.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,92. Уч.-изд. л. 3,08. Тираж 3000 экз. Заказ 3299. Цена 30 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.